

НОМЕР «Омской правды», вышедший 24 июня 1941 года — через два дня после начала войны. В нем среди других материалов — стихотворение «Мы встали за Отечество», подлинное ныне широко известным именем — Леонид Мартынов. Он был первым омским литератором, откликнувшимся на грозные события.

Случайность? Вряд ли. Большой художник, он четче, острее и эмоциональнее многих других чувствовал приближение войны, внутренне был уже готов к ней.

Вот две тоненькие книжки Мартынова, вышедшие в 1941 и 1942 годах — «За Родину!» и «Мы придем». Составившие их стихи-агитки, стихи-лозунги, стихи-сатиры прежде, чем попасть под книжную обложку, звучали перед омскими рабочими и ранеными красноармейцами, печатались в газетах. Они тоже «работали» на Победу.

Такая работа была злободневной, а злободневность, как известно, — вещь переходящая. Сделав свое дело, стихотворные агитки и лозунги становятся через некоторое время литературной реликвией.

Но раскроем недавно вышедшее трехтомное собрание сочинений Леонида Мартынова — собрание, составленное автором с величайшей строгостью ко всему написанному за долгие годы. И мы увидим под произведениями, вошедшими в советскую стихотворную классику, те же даты что и под стихами из омских газет и «Окон ТАСС» военного времени.

Вот перед нами развернутый образ Сибири. «Тишь глубочайшего тыла», «вьюга, тайга, оледенелые берега, шипица под крышею банной...» — все это властно отодвинуто на второй план домнами и заводами.

Сибирь-холодырь, —
про тебя говорят,
К тебе эта кличка
пристыла.
Но в час, когда крепости
вражьи горят,
Мы знаем, откуда берется
снаряд, —
Холодной рукою
смертельный заряд
Не ты ли в него вложила:
Вдохнула,
Вдохнула
В волшебный снаряд
Дыханье глубокого тыла!
(«Страна-холодырь»,
1942 г.)

Крутые военные времена миновали, и тотчас же Мартынов как бы подводит итог в своем знаменитом стихотворении «Народ-победитель» (1945 г.). Величествен образ народа-исполина, который возвращался «с войны по железным дорогам страны».

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

КАК и герой этого стихотворения, вернулся домой в Омск двадцатилетний Петр Карякин. На фронт он ушел добровольцем в январе 43-го. Воевал на Первом Прибалтийском фронте — минометчиком, пехотинцем. Был тяжело ранен: пуля вошла под глазом, а вышла под затылком. Долгое лечение в госпитале, а

ТРИ ИМЕНИ

Военная тема в творчестве омичей

потом — служба в противовоздушной обороне столицы. Вряд ли думал тогда Карякин, что товарищи, сражающиеся и умирающие рядом с ним, станут героями его произведений. И даже потом уже став литератором и издав несколько книг, он не сразу пришел к главной своей теме — теме войны. Должно быть, слишком серьезной, слишком лично близкой была она для молодого прозаика. Только в 1964 году, за год до того, как страна отпраздновала 20-летие Победы, вышла его первая «военная» повесть «Прощание славянки».

Это, бесспорно, лучшая вещь Петра Петровича Карякина (недаром она переиздавалась потом дважды). Более того, повесть эта принадлежит к лучшим произведениям всей сибирской, а может быть, и не только сибирской военной прозы. «Любовь, пронесенная через ад войны, выдержавшая все испытания, воспета во многих произведениях советских писателей, начиная от самоновского «Жди меня» и кончая «Пастухом и пастушкой» В. Астафьева. В этот ряд с полным правом может быть поставлена повесть П. Карякина «Прощание славянки» — произведение, во многом предвосхитившее «современную пастораль» Виктора Астафьева...» — пишет о ней критик В. Шапошников (журнал «Детская литература», № 2, 1976 г.).

Главный герой повести — молодой солдат Зарубин. Мы знакомимся с ним в нелегкую для него минуту: только что товарищи вынесли его, тяжело раненного, с поля боя. Композиция повести такова, что о прошлой жизни Зарубина читатель узнает из его воспоминаний, и психологически это весьма точное построение: разве не о чем вспомнить, не о чем подумать человеку, уложенному войной на госпитальную койку...

Вот одно из них — главный герой сидит в окопе перед ничейной полосой:
«Здесь, где не было нико-

го, кроме нацеленных в него пулеметов. Зарубин сильнее, чем раньше, чувствовал за своей спиной Россию, а себя более, чем когда-либо, самостоятельным, отвечающим за нее человеком».

Заслуга Карякина еще и в том, что он одним из первых в нашей литературе стремился показать войну как ежедневный труд, требующий, как и всякий труд,

терпения, выдержки, упорства!

ОМСКОМУ поэту Владимиру Макарову не довелось быть ни участником героической работы в сибирском тылу, ни тем более — непосредственным участником боев. Когда закончилась война, ему, большепереченскому мальчишке, не исполнилось еще и восьми лет. Почему же тогда его книгу «Основа» буквально пронизывает военная тема? Это первый московский сборник поэта (четыре предыдущих выходили в Новосибирске), и, надо думать, что автор отбирал для него лучшие свои стихи.

Сегодняшняя литература и, в частности, поэзия, не только не отходит, а скорее наоборот — все глубже внедряется в тему минувшей войны. Война продолжает интересовать и писателей, и читателей послевоенного поколения — интересовать жгуче и остро. Ибо подвиг нашего народа был настолько беспримечен, а жертвы, принесенные им, настолько велики, что, осознавая это, мы осознаем не только судьбу страны, но и — каждый по-своему — свою собственную судьбу.

Вот потому-то, читая «Основу» В. Макарова, видишь такие стихи, как «Пристань», «Сахар», «Зима 46-го года», «Послевоенный хлеб». Они (об этом можно судить уже по названиям) навеяны воспоминаниями детства, открыто автобиографичны.

До сих пор протяжные гудки пароходов над родной

пристанью напоминают далекое

Я вижу гимнастерки,
бабьи шали,
В моих ушах —
крик горя ножевой...
От нас водкою сроду
уезжали
И возвращались ею —
кто живой.

Есть в сборнике Макарова стихотворение «Строка». Стихотворение, которое стоит процитировать полностью, ибо оно отражает не только личный творческий закон, поставленный над собой конкретным поэтом, оно отражает и утверждает нечто гораздо большее: тенденцию современной поэзии вообще. Хоть про железо.

хоть про жито
Поэтов нынешних строка, —
Она тревогою прошита.
По-современному строга.
Но как

нежнее быть заставишь
Ее под этой синевой,
Где не одни раскаты клавиш
Слышны, —
звучит фугасок вой?!
И разве ей в упрек

поставишь
Отсутствие полутонов,
Когда напалмовых пожарниц
Цвет резок —

гибельно — багров?!
..И вот тревогою прошита,
По-современному строга,
И про железо, и про жито
Звучит суровее строка.
Которой нынче в поднебесье,
Взывая, плача и грозя,
Так трудно оставаться
песней,

Но быть
иною
ей нельзя.

ТРИ ИМЕНИ. Три степи дарования. Три писательские и человеческие судьбы.

Признанный мастер советской литературы, лауреат Государственных премий.

Скромный, отнюдь не избалованный критикой прозаик, принадлежавший к среднему писательскому поколению и до обидного рано ушедший из жизни.

Активно и плодотворно работающий поэт, возле фамилии которого рецензенты только совсем недавно перестали ставить слово «молдой».

Но жизни каждого из них в той или иной степени коснулась война. Коснулась и отразилась в творчестве.

Отразилась, ибо не могла не отразиться.

А. ЛЕЙФЕР.